

Н. К. ГУДЗИЙ

**К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю
И. М. Катыреву-Ростовскому**

Повесть о событиях «Смутного времени», именуемая на основании заключающих ее виршей «Летописной книгой», до сих пор вызывает еще ряд вопросов. Как известно, основным таким вопросом является проблема авторства памятника. В новейшей работе о нем О. А. Державиной «К истории создания „Летописной книги“, приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому»,¹ помимо попытки определить роль И. М. Катырева-Ростовского в составлении повести, анализируется самый состав ее, в глазах автора статьи содержащий косвенные данные для суждения о том, какая доля участия в оформлении памятника может принадлежать Катыреву-Ростовскому.

Предметом исследования О. А. Державиной является первая редакция повести, во втором издании XIII тома РИБ занимающая столбцы 559—624 и дающая О. А. Державиной основание полагать, что в ее обработке принимал участие Катырев-Ростовский.

Так как высказанные О. А. Державиной соображения по поводу того, что в тексте повести может быть приписано Катыреву-Ростовскому (а приписано ему тут очень немногое), слишком гипотетичны и гадательны, мы их касаться не будем, а остановимся на том, как в статье трактуется состав повести и история ее создания.

О. А. Державина обращает внимание на то, что стиль повести не однороден на всем ее протяжении, подкрепляя это свое наблюдение и наблюдением А. С. Орлова, отметившего, что начало повести отличается почти полным отсутствием «украшений», вводимых в нее лишь с той поры, когда рассказывается о переходе первым самозванцем русской границы. «Украшения» эти выступают в картинах природы и в частых описаниях боев. Отсюда, как представляется О. А. Державиной, сам А. С. Орлов склонен разделять повесть как бы на две части, но, по ее мнению, повесть следует делить не на две, а даже на три части: 1) вступление — рассказ об исторических событиях до появления первого самозванца, 2) история первого самозванца, 3) история прочих самозванцев и освобождения Москвы, после чего следуют портреты и характеристики московских царей с предшествующими и заключительными виршами.

В тексте, напечатанном в XIII томе РИБ, эти части занимают столбцы соответственно 559—568, 568—584, 584—624. «Украшения» (картины природы и описания сражений) содержатся, собственно, в третьей части. Описаний сражений в этой части О. А. Державина

¹ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Петкина, т. XLVIII. Кафедра русской литературы, в. 5. М., 1955, стр. 29—45.

насчитывает восемнадцать, а в двух первых частях, по ее подсчету, их всего четыре, картины же природы в обеих первых частях вовсе отсутствуют. Следует сказать, однако, что в первой части, во вступлении, вопреки утверждению автора, описаний сражений нет, а есть только рассказ о них, что же касается второй части, то тут такие описания сделаны в стиле боевых картин третьей части, написанных под влиянием русского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна. Судя по всему, О. А. Державина считает, что описания сражений во второй части являются результатом позднейших исправлений, сделанных рукой основного автора повести о первом самозванце.

Эта именно повесть, как полагает О. А. Державина, является изначальным ядром всего памятника, заканчиваясь виршами, в которые внесены были позднейшие вставки. Потом она была кем-то отредактирована. Далее на основе повести о первом самозванце и «Троянской истории» Гвидо де Колумна другим уже автором написана третья часть «Летописной книги», повествующая о дальнейших событиях «Смуты» с участием прочих самозванцев. Затем, по догадке О. А. Державиной, в 1626 г. в обработке Катырева-Ростовского создается первая редакция «Летописной книги», рассказывающая об исторических событиях до выступления первого самозванца, но, очевидно, О. А. Державина приписывает ее новому, третьему автору. Логически рассуждая, нужно думать в таком случае, что она включена была в редакцию «Летописной книги» 1626 г. Катыревым-Ростовским.

Главным аргументом в пользу того, что «Летописная книга» создана при участии не одного автора, по мнению О. А. Державиной, кроме разнородности ее стиля, является также неоднородность идейной направленности в отдельных ее частях.

Остановимся сперва на первой из указанных О. А. Державиной особенностей «Летописной книги». Заметим при этом, что три части, на которые ею поделен текст повести, не одинаковы по своему объему: вторая часть больше чем в полтора раза обширнее первой, а третья обширнее первых двух, вместе взятых, что небезразлично при их сопоставлении; однако во всех трех частях мы встречаем одинаковые словарные и стилистические образования, одинаковые словесные формулы. Приведем их, руководствуясь выделением частей, сделанным О. А. Державиной (цифры в скобках означают столбцы печатного текста).

Во всех трех частях читается:

толико многоразсуден (560), многоразсудно попечение (566), много-разсудный разум (567), божественных писаний многоразсудных (583), мужа духовна и многоразсудна (602);

имя ему Иван (560), Стефан имя ему (562), ему же имя Борис Федоровичь Годунов (563), Гаврило Пушкин имя ему (577), Варсунофьевской имя ему (578), Александр Гасевский имя ему (605), имя ему Петр (605);

суших раб (561), суших младенец (561), Борисова сына суща (575), девицу сущу (578), сына царева суща (580), нага суща (581), Пленные же сущии московстии (615), дщерь... сущи (621);

со множеством воин (562, 566 — дважды, 567, 580, 600), со множеством вой (585);

несытное грабление (562), ненасытным... хотением (575), насытное желание (621);

Началницы же Московскаго государства, князи и бояре и воеводы (563), началников всего Росийскаго государства и воевод (563), началницы же и воеводы всего московского воинства (573), Бояре же и на-

чалницы Московского царства (574), Воеводы и начальницы Московского воинства (585, 609, 617), Начальницы же и воеводы Московского воинства (617);

в разсужение ума его (563), во многом разсужении доволен (563), муж... многово разсужения (583, 616), в разсужении ума (622);

многое дивное о собе творяше (563, 572, 583, 620);

всех людей московского народу (563), народи же московстии (564), московстии же народи (573, 602, 604);

Народи же московстии наипаче ужасошася (564), начальницы и воеводы... никакo сего ужасошася (573), людие же... никакo сего ужасошася (573), он же никакo сего ужасеся (587), Дмитрий Иванович Шуйской никакo сего ужасеся (589), названный царь Дмитрий никакo сего ужасеся (590), они же сего никакo ужасахуся (616);

семо и овамо (565, 572, 575, 590, 591, 616);

И народи... воздвигоша гласы свои (565), народи же воздвигоша гласы своя (582), множество народу... воздвигоша гласы своя (602), Поляцы же... воздвигоша гласы своя (617);

утвердися обозами (566, 587), утверждаетца обозами (572), и повеле обозами утвердити (591), утвердишася обозом (592), мирное поставление... утверди (562), утвердися рука Борисова на всем народе Российскаго царства (565), утверди перемирия (566), утвердися рука его на всем Московском царстве (567), и тамо утвердися с тамо жительствующими народы (573), и тамо утвердися с тамо жителствующими людьми (599), и тако утвердиша быти (574), и вси людие утвердишася (575), папешскую веру утвердити (581), утвердиша слово (582, 602, 617), и на утвержение воде (587), достойно быти на утвержение людем (591), совет утвержают (602), во граде утвержаютца (611), врата утвержают высокими запоры (615), за приставы утвердиша (618);

в заветчателном союзе дружбы (567), в заветчателном союзе законнаго брака (607), завещание полагает (570, 618), завещанием общаго совета (575);

вниде слух во уши его (567), Вниде же сия во уши Юрью (570), Вниде же во уши королю полскому (600);

мужески ополчакхуся (568), мужески защищаше (572, 598), мужескы побораша (585), мужескы вытекоша (585), мужески... нападают (596), мужески нападоша (596), мужески защищахуся (598), мужески сих восприемлют (601);

царствующий град Москву, царствующий град (во всех трех частях очень часто);

горкою смертию (во всех трех частях очень часто);

и по мале времени, в мале времени (в первых двух частях очень часто, однажды и в третьей части — 618).

В первой и второй частях:

владетелно держати скифетр Российскаго государства (561), нача владетелно держати Российское царство (578);

первоначалствующих царей и князей (561), первоначалствующими цари и князи (574);

на царский престол безстыдно вскочити (563—564), на царский престол вскочи (580);

и колебашеся людие семо и овамо (565), и начаша воинстии людие умы своими колебаться семо и овамо (575), Слышавше то вси людие, и поколебашася умы своими (577);

скифетродержавнаго владычества (564), скифетродержавство отдати (565), поведано... скифетродержателю (570);

и бысть тако (566), и... тако бысть (570);
смерти горкия сподобляет (567), горкия смерти сподоби (580).

В первой и третьей частях:

в превеликой именной Москве (561), Преславная, но и паче превеликая Москва (607), превеликая Москва (608);

наполнися гнева и ярости (561), наполнишася людие гнева и ярости (611);

уклони мысль (562), благоговейне уклоняютца (603), на милость уклоняютца (617);

Бысть же той Борис образом своим и дела множество людей превзошед, ниhto бе ему от царских снклит подобен во благолепие лица его и в разсужение ума его... паче во многом разсужении доволен и велеречив зело... и многое дивное о себе творяше... Но токмо единое неисправление имяше пред богом... и похоте властолюбец быти (563), Царь же Борис благолепием цветуще и образом своим множество людей превзошед... в разсужении ума доволен и сладкоречив велми... и многое дивное о себе творяше. Едино же имея неисправление и от бога отлучение... и ко властолюбию несытное желание (620—621);

во уши его ложное приношаху (563), во уши ему ложное на люди шептаху (622);

радно тово послушати желаше (563), в сладость их послушати желаше (622);

Оле страшнаго падения и убивственнаго помысла!.. Оле братоненавидения! (564), Оле, великое падение бысть и убивство! (607);

ни о чем попечение имея (564), о своих напастех попечение имели (565), о своей державе... попечение имея (566, 620), о своем деле попечение имея (595, 599), не имеяху попечения о своем спасении (596), о стаде своем непрестанно попечение имея (603), о своем деле попечение непрестанно имея (609), о душевней вещи попечение имея (620), о мирских ни о чем попечения имея (620);

ужасни быша людие (567), ужасни быша царевы воеводы (586), Людие... ужасни быша о сем (587), людие ужасни быша велми (595), и ужасни быша зело (599), и тако ужасни быша поляцы (616);

настоящаго дела (568), настоящаго сего собрания (593), настоящаго собрания (611), настоящую беду (606), настоящую сию беду (616);

в сонм един (568, 593, 597), в сонм едину (618).

Во второй и третьей частях:

злохщный чернец (569), злохщный прелестник (589);

Предреченный же князь Вешневецкий (569), Той же предреченный воевода Сендомирской (570), Предреченные же бояре и воеводы (572), предреченный князь Михайло Петрович (576), предреченный ложный царевич (585), прежереченный хищный волк (589), Предреченный же боярин и воевода... князь Михайла Васильевич Шуйской (595), Предреченный же князь Михайло Шуйской (599), прежереченный названный царь Дмитрей (601);

но кратким словом рещи: яко есть достойно царскому величеству (570), но кратким словом рещи: яко есть достойно на утверждение воде (587);

и составиша брань велию зело (572, 589), и ту составиша брань жесточайшую (573), и ту составиша брань (586, 595), и нача составлять брань (598);

И брань плит жесточайшая (572), И тако плит брань жесточайшая (572, 591), и тако брань плит велия (586), И тако брань плит жестокая

(596), И тако плит брань велия (601), и тако брань плит жесточайшая (614);

падают трупие мертвых семо и овамо (572, 573, 586, 591, 614);

давшеся бегству (572, 614), вдашеся бегству (573, 589, 591—592), вдавшеся бегству (599);

Поляцы же усты меча гонят (572), Московстии же народи поля обретают и усты меча гонят (573), царевы же воеводы силу обретают и усты меча гонят (586), Поляцы же поля обретают и усты меча гонят (589), поляцы силу восхищают, и шеломы отсекают, и усты меча гонят (601), поляцы силу восхищают и усты меча гонят (614);

и тако преста брань (573, 592, 611), и тако брань преста (590), и тако преста бранное ополчение (598), и посем тово дни преста бранное ополчение (610);

блистают сабелныя лучи (573), блистаютца сабелныя лучи (591);

и тако бысть брань велия (573), и тако бысть брань (589);

овых низлагают (573), велие низлагание (601, 607, 614);

мало времени минувшу (574), Малу же времени минувшу (611);

и, пад, издше (574 — о Борисе Годунове, 605 — о самозванце Лжепетре);

излия словеса многия (575), словеса своя изливая (583), излия словеса своя (593), зловещателныя словеса на него излияша (606);

в прежебывшем месте (576), прежебывшаго великаго патриарха Иева (578), в прежебывшем собрании (594), в прежебывшая его жилища (602), прежебывшему великому государю (619), и на прежебывших царей (621);

Царевну же Ксению, дщерь царя Борисову, девицу сушу (578), Царевна же Ксения, дщерь царя Бориса суши (621);

О волче хищный (579), хищный волк (589);

яко цвет дивный, сияя (579), яко цвет дивный на селе (621);

юноша зело чуден (579), муж чуден зело (583), муж зело чуден (620);

препоясашеся оружием (584), препоясатися бранным своим оружием (596).

Во всех трех частях повести находятся рифмующие друг с другом строки, во всех трех частях употребляется дательный самостоятельный, вместо прошедшего времени — настоящее; в частности, в первой части, кроме двух указанных О. А. Державиной случаев (стр. 39), оно фигурирует еще дважды: и мучителем предает, и в заточение посылает, и смерти горькия сподобляет (567); Царь же Борис о сем немало втайне болезнует и в скором часе мысль свою пременяет, исправления своего настоящего дела отрешает и грамоты посылает (567—568). Таких примеров, кстати сказать, с рифмующими строками, во второй и третьей частях — в соответствии с их размерами — естественно еще значительно больше.

Как видно уже из приведенных только что примеров, сочетание предложений с однородными членами — именно сказуемыми, замыкающими предложения, характерно не только для третьей части, как указывает О. А. Державина (стр. 35), но и для первых двух (ср. еще 570, 572, 573, 578—579, 580, 580—581). То же нужно сказать и о ритмизации речи при помощи повторяющегося союза «и», что встречается не только в третьей части повести (по указанию О. А. Державиной, стр. 35), но и в первой и второй ее частях (ср. 562—563, 567, 569, 570, 575, 579, 584).

Приведенные здесь выписки из «Летописной книги» и ссылки на текст повести убеждают в том, что нет оснований говорить о разнородности

стиля во всех трех частях повести, а потому нет оснований и для того, чтобы предполагать участие в написании ее более чем одного автора. Если в третьей ее части гораздо больше описаний сражений, чем в первых двух, то это обусловливается самим содержанием описываемых в этих частях событий и фактов. Что касается картин природы, то в любом произведении необязательно присутствие их во всех его частях. Если те и другие считать «украшениями», то они естественно вытекают из самого материала повествования, а не из преднамеренного стремления к украшательству самому по себе в какой-либо из частей повести. Если влияние стиля «Троянской истории» Гвидо де Колумна сказалось в большей степени в третьей части, чем в двух первых, то это потому, что влияние это обнаруживается преимущественно в описании сражений, которые тут значительно преобладают по сравнению с первой и второй частями; что же касается однообразия художественных приемов в третьей части, то, судя по приведенным выпискам, то же однообразие, устойчивость словесных формул мы найдем и в первых двух частях, и нет оснований считать, что здесь это носит «случайный характер», как полагает О. А. Державина.

По словам О. А. Державиной, в третьей части повести, в отличие от того, что мы находим во «Временнике» Ивана Тимофеева или в «Сказании» Авраамия Палицына, исторические факты объясняются не внутренними причинами, их породившими, а пресловутым вмешательством дьявола, что якобы лишний раз свидетельствует о бедности языка автора этой части, об отсутствии в ней конкретных, живых деталей, о преобладании тут традиционного шаблона. Но ведь и в первой части о Борисе Годунове говорится, что он «прелщен бысть от самого богоненавидимаго дьявола» (564), а поведение Грозного и нашествие на Русь польского короля объясняются карой божьей за грехи русского народа и самого Грозного. Во второй части сказано, что первый самозванец тоже «прелщен бысть от дьявола» (568), царевич Дмитрий умерщвлен был Борисом Годуновым «богу попускающу за многиа грехи наша, а дьяволу действующу» (568). О первом самозванце здесь еще сказано: «и вниде же в того священного мниха сатана и обеща ему царствующий град поручити» (569), «Той же чернец, по научению дьяволу, отщетив свою душу...» (569), «по научению дьяволу» он рассказывает воеводе Сандомирскому, как он спасся от смерти, на которую обрек его Годунов (570), «Лукавый же бес вложи мысль сию в сердца всем человеком, да мнят вси людие существенно быти царевича Дмитрея оного Ростригу» (575).

Существенное различие между третьей частью повести и двумя предыдущими О. А. Державина видит и в их идейной направленности. В первой и второй частях, по взгляду автора, «нет той идейной бесхребетности, которая свойственна последней части». Уже с самого начала, как указывает О. А. Державина, излагаются исторические события, а не описываются одни лишь сражения, дается суровая характеристика Грозного, Годунова и первого самозванца, чего мы не встретим в последней части, где найдем только лирическое обращение к московским гражданам по поводу избиения москвичей поляками, да и то построенное при помощи шаблонных выражений и стилистических приемов.

Но совершенно понятно, почему рассказ об исторических событиях, приведших к «Смуте», и обличение исторических лиц, виновных в ее происхождении, присутствуют в первых двух частях повести и отсутствуют в последней: вначале естественно было дать историческое введение, объясняющее последующие горестные факты «Смутного времени»,

оценить поведение их виновников, и в дальнейшем не было никакой нужды повторять однажды уже сказанное. Не приходится уж говорить о том, что в любом произведении любой эпохи мы можем при желании усмотреть такие приемы распоряжений материалом, которые, с нашей точки зрения — правильной или неправильной, — не отличаются надлежащим единством или строгой последовательностью.

Трудно также согласиться с О. А. Державиной в том, что третья часть «Летописной книги» отличается «идеиной бесхребетностью», как трудно согласиться и с мнением С. Ф. Платонова, утверждающего в своей статье «Старые сомнения», на которую О. А. Державина ссылается, что «Летописная книга» целиком повествует о событиях «Смуты», «спокойно зря на правых и виновных, не ведая ни жалости, ни гнева», что поэтическое увлечение ее автора граничит с политическим индифферентизмом и даже с сочувствием врагам-полякам.

Сама О. А. Державина в первых двух частях повести не усматривает ни политического индифферентизма, ни тем более сочувственного отношения к полякам-завоевателям. Напротив, в этих частях она отмечает патриотическую их настроенность, и тот индифферентизм, который Платонов склонен видеть во всей повести, она видит лишь в последней ее части.

Однако ни о каком индифферентизме, еще менее о сочувствии врагам-полякам применительно к последней части «Летописной книги» говорить никак не приходится. Здесь явно выступает враждебное отношение к полякам, вторгнувшимся в Русскую землю, и к изменникам-русским, им потворствовавшим. Поляки неоднократно именуется врагами, с негодованием говорится о насилиях польских войск над русскими людьми, о чинившихся ими грабежах, о плаче и рыдании москвичей, потрясенных жестокостью поляков, о заточении польским королем Сигизмундом членов русского посольства, отправившегося под Смоленск для приглашения королевского сына Владислава на русский престол. Лирическое обращение к москвичам, терпящим всякие беды от поляков, и скорбь по поводу разрушения Москвы выражены с большой экспрессией и отнюдь не шаблонными фразами, как об этом говорит О. А. Державина. С патриотическим подъемом говорится вслед за этим о воинских подвигах Прокопия Ляпунова, о деятельности Минина и Пожарского, вставших на защиту родины. С таким же подъемом сказано и о конечной победе русских войск и об освобождении Москвы, за которым последовало избрание на царство Михаила Федоровича Романова.

Из приведенных О. А. Державиной примеров на стр. 33 ее статьи только один как-то может подойти под понятие индифферентизма, якобы наблюдаемого в третьей части повести, — это наименование «крепкий и разсмотрительный воевода», по шаблону приданное польскому полководцу князю Роману Ржевусскому, как придается оно и русским полководцам. Но этого одного примера, особенно принимая во внимание только что приведенные доказательства общей патриотической настроенности, наблюдаемой в третьей части, слишком недостаточно, чтобы усматривать тут хотя бы подобие какого-либо индифферентизма. От себя добавим, что другой польский полководец Струс в третьей части повести фигурирует как «муж великие храбрости и многово разсужения» (616), но такая оценка дана ему потому, что он откровенно признает поражение польских войск и просит совета у собравшихся польских воинов, как избавиться полякам от заслуженного возмездия. Если такое признание делает человек большой храбрости и большого разума, то тем более очевидным становится крах польского нашествия и торжество русского оружия.

И поляки, вняв голосу Струса, единодушно решают просить московских воевод о милосердии и о избавлении их от горькой смерти.

Не касаясь здесь высказанных О. А. Державиной в конце ее статьи соображений о позднейших якобы вставках в текст третьей части повести и в текст заключительных виршей, соображений, сугубо вкусовых и потому лишенных убедительности, на основании всего сказанного необходимо прийти к заключению, что как в стилистическом, так и в идейном отношении «Летописная книга» представляет собой единое целое, на всем своем протяжении принадлежащее одному автору.
